

Содержание

В. Мильчина
«Человеческая комедия»
Оноре де Бальзака

7

ГОБСЕК
Перевод Н. Немчиновой

23

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА
Перевод Б. Грифцова

95

ОТЕЦ ГОРИО
Перевод Е. Корша

385

Примечания
В. Мильчиной

677

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ» ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

В творческом наследии французского писателя Оноре де Бальзака (1799–1850) есть статьи и пьесы, путевые заметки и памфлеты; однако главное произведение Бальзака, благодаря которому он вошел в историю мировой литературы, – это грандиозная, не имеющая аналогов «Человеческая комедия», состоящая из 91 произведения (романов, рассказов и даже полусерьезных-полуиронических трактатов). Бальзак прожил на свете пятьдесят лет; из них двадцать он работал над «Человеческой комедией». Однако всю глубину и оригинальность своего замысла он и сам осознал далеко не сразу.

Оноре Бальзак родился 20 мая 1799 года в Туре. Отец его, Бернар-Франсуа Бальсса (впоследствии изменивший фамилию на Бальзак), выходец из богатой крестьянской семьи, служил по ведомству военного снабжения; доморощенный философ, он в старости много размышлял о проблемах здоровья и долголетия (сын унаследовал от него интерес к этим темам). Воспользовавшись сходством фамилий, Бальзак на рубеже 1820–1830-х годов стал возводить свое происхождение к дворянскому роду Бальзак д'Антрег и самовольно прибавил к своей фамилии дворянскую частичку «де» и превратился в Оноре *de* Бальзака. Мать будущего писателя была моложе мужа на тридцать лет и изменяла ему; младший брат Бальзака, Анри, «любимчик» матери, был побочным сыном владельца соседнего замка. Многие исследователи полагают, что внимание романиста к

проблемам брака и адюльтера объясняется не в последнюю очередь атмосферой, царившей в его семье. В 1807–1813 годах Бальзак – пансионер коллежа города Вандом – в 1816–1819 годах учится в Школе права и служит клерком в конторе парижского стряпчего (отсюда – блестящее знание юридических тонкостей, которое он выказывает во многих своих романах). Впрочем, уже в 1820 году Бальзак отказывается от юридической карьеры и решает посвятить себя литературе.

До 1829 года он ищет свой путь, выпуская под псевдонимами остросюжетные романы и сочиняя нравоописательные «кодексы» светского поведения. Период анонимного творчества кончается в апреле 1829 года, когда за подписью «Бальзак» выходит в свет роман «Последний шуан, или Бретань в 1800 году» (впоследствии под названием «Шуаны» включенный Бальзаком в «Сцены военной жизни» «Человеческой комедии»). В то же время писатель работает над повестями из современной французской жизни, которые начиная с 1830 года выходят сборниками под общим названием «Сцены частной жизни». Эти сборники, а также философский роман «Шагреновая кожа» (1831) приносят Бальзаку громкую славу. Особенной популярностью пользуется писатель среди женщин, благодарных ему за проникновение в их психологию; он получает от читательниц восторженные письма; одна из таких восхищенных корреспонденток, польская графиня и российская подданная Эвелина Ганская (урожденная Ржевуская), в 1832 году приславшая Бальзаку письмо за подписью «Иностранка», через восемнадцать лет стала его женой.

Несмотря на большой успех, которым пользовались романы и повести Бальзака в 1830–1840-х годах, жизнь писателя никогда не была спокойной. Он губил здоровье интенсивной работой, чтобы расплатиться с долгами, то и дело затевал авантюры финансового и издательского толка – отправлялся на Сардинию, надеясь

купить там по дешевке серебряный рудник, покупал загородный дом, на содержание которого у него не хватало денег, дважды основывал периодические издания — газету «Кроник де Пари» (1836) и журнал «Ревю Паризьен» (1840), не имевшие коммерческого успеха.

Умер Бальзак в Париже 18 августа 1850 года, через полгода после того, как наконец осуществилась мечта его жизни и он женился на овдовевшей к этому времени Эвелине Ганской.

* * *

Бальзак работал в разных жанрах; его перу принадлежит сборник фривольных новелл в старофранцузском духе «Озорные рассказы» (1832–1837), несколько пьес, огромное число публицистических статей, однако главное создание писателя — это, бесспорно, «Человеческая комедия».

История литературы знает не так много авторов, по отношению к которым фраза «создал свой собственный мир» справедлива не только в метафорическом, но и в самом буквальном смысле. Бальзак же действительно создал свой мир, частично смешанный с миром реальным, а частично параллельный ему, — создал благодаря простому, но гениальному изобретению — системе «сквозных» персонажей, которые переходят из произведения в произведение, превращая таким образом «Человеческую комедию» в единый текст, единое целое (впервые эту «систему» он использовал в 1835 году в вошедшем в настоящий том романе «Отец Горио»). Французское комментированное издание «Человеческой комедии» заканчивается двумя указателями: указателем вымышленных лиц, действующих в сочинениях Бальзака, и указателем реальных лиц, выведенных там же; те и другие действуют в мире Бальзака на равных, у тех и других есть годы жизни, вехи детства и юности, детали карьеры и семейной жизни. А французский исследователь Фернан Лот составил объемистый «Биографиче-

ский словарь» бальзаковских персонажей, а также подсчитал, в скольких произведениях появляется каждый из них («победу» в этом соревновании одержал банкир барон де Нусинген, фигурирующий в тридцати одном произведении). Начало такому подходу положил, впрочем, сам Бальзак: в 1839 году в предисловии к роману «Дочь Евы» он наполовину шутливо, наполовину серьезно предложил составить к своим «Этюдам о нравах» (название «Человеческая комедия» тогда еще придумано не было) «биографические указатели, которые дадут возможность читателю ориентироваться в этом бесконечном лабиринте», и привел пример одной такой «словарной статьи» (она посвящена герою романа «Отец Горио» Эжену де Растиньяку).

Бальзаковское внимание к внешней стороне жизни, умение описывать детали интерьера и одежды, особенности произношения и бытовые привычки заставляли многих критиков видеть в авторе «Человеческой комедии» прежде всего бытописателя, «реалиста», от которого «так и несет потом действительности», в чьих сочинениях «все мозоли, все болячки общественного тела выставлены напоказ» (П.А. Вяземский о романе «Отец Горио»). Для такого подхода есть немало оснований. Бальзак сам в предисловии к «Человеческой комедии» назвал себя «секретарем», который состоит при французском обществе и «составляет опись пороков и добродетелей, [...] выбирает главнейшие события из жизни общества, создает типы путем соединения отдельных черт многочисленных однородных характеров». В своей «Комедии» он изобразил едва ли не все социальные и профессиональные типы тогдашней Франции: от банкира до палача, от журналиста до дамы полусвета, от крестьянки до герцогини. Читая «Человеческую комедию», можно получить исчерпывающее представление о том, как совершались во Франции в первой половине XIX века банковские аферы, как действовали ловкие адвокаты, как функционировала политическая пресса,

чем отличался один провинциальный город от другого, и еще много-много разнообразных сведений о самых разных сторонах реальной жизни.

И все же, видя в Бальзаке только «реалиста», мы не пойдем в нем самого главного — того, что отличает его от прочих писателей и бытописателей, не заметим, что за бальзаковскими картинами нравов скрывается оригинальная философия.

Бальзак не случайно в 1840 году придумал для всей совокупности своих романов и рассказов название «Человеческая комедия», а в 1842 году начал выпускать под этим названием собрание своих сочинений. «Человеческая комедия» состоит из нескольких разделов: «Этюды о нравах», куда входят «Сцены частной жизни», а также «Сцены» жизни провинциальной, парижской, политической, военной и сельской; «Философские этюды» и «Аналитические этюды». Уже из этого перечня понятно, что вслед за Данте (к чьей «Божественной комедии» восходит название бальзаковской «Человеческой комедии») Бальзак взялся описать все пороки и добродетели, наличествующие в человеческом обществе, и что для решения этой задачи рамки одного или даже нескольких романов были ему тесны.

Дело, однако, не только в размахе замысла, но и в той философской концепции, которая за ним стояла. Бальзак, как признается он сам в предисловии к «Человеческой комедии», исходил из того, что реальный мир, несмотря на все его внешнее разнообразие, един: «Есть только одно живое существо [...] в этом отношении Общество подобно Природе». Его кумирь-естествоиспытатели: Ламарк, Бюффон, Жоффруа Сент-Илер — исходили из постулата, согласно которому «Создатель пользовался одним и тем же образцом для всех живых существ», и попытались «в одной книге представить весь животный мир», предложить определенный принцип классификации этого природного мира. Бальзак вознамерился сделать то же самое применительно к об-

ществу, «уловить скрытый смысл огромного скопища типов, страстей и событий». Сама идея слияния разрозненных романов в единое целое, в грандиозную «параллельную Вселенную», — одно из следствий этого кредо Бальзака. Натуралисты описывали и классифицировали мир животных, Бальзак взялся классифицировать мир людей, описать вместо видов животных виды социальные. Для этого ему пришлось следить за «продвижением людей, олицетворяющих эти виды, в отведенных им сферах», прежде всего в рамках разных профессий. Людей этих в бальзаковской вселенной немало, — по его собственному подсчету, «две или три тысячи», почти у каждого есть биография, непременно встроенная в реальную политическую историю Франции, связанная с нею многообразными узами. Социально-политическая составляющая для Бальзака важна чрезвычайно, но она — далеко не единственное, что интересует его в людях-персонажах.

Ничуть не меньше важен для него характер. Характер — это те черты, которые даны человеку от природы и которые предопределяют его судьбу. В одном из бальзаковских романов сказано: «Сами по себе события ничего еще не решают. Их последствия зависят исключительно от людей; несчастье — ступень к возвышению гения, [...] клад для ловкого человека, бездна для слабого». И в самом деле, у людей одинакового социального происхождения, поставленных в одинаковые обстоятельства, жизнь складывается по-разному. Попавший в столицу провинциал Растиньяк в своей борьбе с Парижем («А теперь — кто победит: я или ты?») одерживает победу, а герой романа «Утраченные иллюзии» талантливый литератор Люсьен де Рюампре терпит поражение. В двух «симметричных» романах «Кузен Понс» и «Кузина Бетта» действуют «бедные родственники», не имеющие собственной семьи и «прилепившиеся» к семьям чужим. Ситуации однотипные, однако же простодушный холостяк Понс никому не приносит

зла, а старая дева Лизбет (Бетта) Фишер только и делает, что плетет козни против своих благодетелей и в полной мере подтверждает бальзаковский тезис о том, что бесплодные существа, не состоящие в браке, суть «трутни человеческого улья». Почему же одинокий кузен Понс добр, а одинокая кузина Бетта — суцая мегера? Потому что природа наделила их разными характерами. Характер — категория внутренняя, но выражается вовне самыми разными способами. Именно для того, чтобы показать связь внешнего и внутреннего, Бальзак описывает внешность людей, покрой их нарядов и облик жилищ.

Автор «Человеческой комедии» был убежденным последователем швейцарского ученого Лафатера, создателя физиогномики — науки о связи психологических свойств человека с его внешним видом. Поэтому он «прочитывает» по лицу и фигуре персонажа не только его социальное положение, но и душевный склад. Незначащих частей тела и элементов портрета для Бальзака не существует; в его романах совершенно обычно умозаключение такого рода: некто был «в достаточной мере долговяз, чтобы в нем сразу можно было признать пустозвона — ибо люди высокого роста редко бывают одарены».

Другой способ проникнуть через внешнее к внутреннему — одежда персонажей. В «Аналитические этюды» Бальзак включил свой ранний «Трактат об элегантной жизни», эпиграфом к которому поставил фразу «Ум человека проявляется в том, как он держит трость». В «способе держать трость», выбирать платье и прическу проявляется не только ум, но и характер, происхождение, социальное положение — одним словом, «весь человек сполна, со всеми его политическими убеждениями и каждодневными привычками». «Чистый или засаленный воротник, обтрепанные петлицы, следы пудры и помады, длина фалд, дырявая или целая подкладка — все недвусмысленно указывает на профессию,

нрав и склонности обладателя платья. Вот модный фрак денди, а вот украшенный золотыми пуговицами фрак старомодного жителя Лиона; вот тонкое сукно, в которое облачен рантье, вот короткий коричневый сюртук маклера, а вот засаленная куртка скупца...» Недаром по образцу физиогномики Бальзак мечтал создать «вестигномику» (от латинского «vestimentum» — одежда) — науку о значении различных элементов костюма.

Не меньше говорит о человеке и вид его жилища. В романе «Пьеретта» два скупых и злобных существа, брат и сестра Рогроны, мучают и доводят до смерти свою юную кузину Пьеретту; и все описание дома, в котором живут эти лавочники (вдобавок вложенное Бальзаком в уста насмешливой и изысканной светской дамы), призвано подчеркнуть их безвкусоность и бесчувственность. Здесь ни одна деталь не нейтральна: все служит обвинительным приговором: и «часы наподобие ресторанных, висящие на чем-то вроде салфетки из позолоченной бронзы», и сервиз для десерта, «васильково-синий в зеленых цветочках», и гравюры на избитые исторические темы в «пошлейших золоченых рамах», и зеркало над камином в «вульгарной и пошлой гипсовой раме». Не случайно описание рогроновской гостиной Бальзак заканчивает ссылкой на знаменитый афоризм французского естествоиспытателя Бюффона: «Стиль — это человек».

Показательно, что своих любимых героев Бальзак наделяет тем свойством, каким мастерски владел он сам, — умением угадывать внутреннее по внешнему, характер — по чертам лица и одежде. Героев же, Бальзаку несимпатичных, чаще всего губит именно их непроницательность, неспособность разгадать истинные мысли, истинный нрав и склад ума собеседника. Так, в романе «Старая дева» черта, казалось бы, совсем незначительная — несоответствие у двух персонажей голоса и физического облика — предопределяет развитие сюжета: у одного из двух претендентов на руку богатой старой де-

вы голос противоречит хрупкой фигуре, поражает широтой и богатством; другой же — мужчина с мощной грудью и великолепно развитой мускулатурой, а голос у него «глухой, как звук пилы, врезающейся в мягкое сырое дерево». Героиня, не знакомая «ни с физиогномикой, ни с антропологией», выбирает второго жениха — и выбор этот оказывается страшной ошибкой; мнимый гигант проявляет полную неспособность оправдать ее надежды.

Но характером, выраженным во внешних признаках, в чертах лица и костюма, своеобразии бальзаковских героев не исчерпывается. Жизнь всех людей, действующих в мире «Человеческой комедии», подчиняется единому принципу: каждым правит определенная страсть, определенная идея. Идеи же, страсти, желания, полагал Бальзак, — это не что иное, как материальные силы, своеобразные флюиды, не менее могущественные, чем пар или электричество. Бальзак и в этом хранит верность своему «унитарному» видению мира: для него между сферой материальных предметов и сферой чувств и идей не существует непроходимой границы. Когда Лермонтов писал в «Княжне Мери»: «Идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие...», он, безусловно, перефразировал Бальзака, который в повести «Шагреневая кожа» не только сформулировал эту концепцию устами главного героя («наши идеи — организованные, цельные существа, обитающие в мире невидимом и влияющие на наши судьбы...»), но и нашел для нее на редкость выразительное воплощение: Рафаэлю, герою «Шагреневой кожи», достаточно мысленно сформулировать некое желание, и оно тотчас исполняется, уменьшая при этом кусок волшебной кожи и одновременно сокращая жизнь героя.

Вообще эта материальность идей чаще приносит бальзаковским персонажам беду, чем удачу; идея или страсть поработают человека и приводят его к гибели,

даже если его социальное положение благополучно. История всех главных, самых знаменитых бальзаковских героев — это история столкновения владеющей ими страсти с действительностью или с другой страстью. Отчего умирает отец Горио? Не только и не столько от старости, болезней или бедности, но оттого, что им безраздельно владеет отцовская любовь, а дочери на эту страстную любовь не отвечают. Отчего в другом знаменитом бальзаковском романе, «Евгения Гранде», мучаются старый бочар Гранде и его дочь Евгения? Оттого, что их страсти (владеющие ими обоими с одинаковой силой) не совпадают: старый Гранде любит дочь, но золото он любит сильнее; молодая Гранде любит отца, но своего беспутного кузена Шарля она любит сильнее. Гибелью главных героинь заканчиваются все три романа, составляющие «Историю Тринадцати», и всякий раз первопричина этой гибели — не что иное, как сильная, всепоглощающая страсть, которая сталкивается с другой, еще более могучей страстью.

Для того чтобы идея-страсть принесла бальзаковскому персонажу успех, персонаж этот должен быть наделен еще одним свойством, в бальзаковском мире чрезвычайно важным. Свойство это — воля, «сгусток силы», посредством которого человек может навязывать свои идеи и желания окружающим. По Бальзаку, все формы движения — чувства, жесты, мысли, иными словами, сама жизнь — продукты воли, которую человек концентрирует, а в решающие моменты выбрасывает в пространство. Можно сказать, что мир Бальзака вообще состоит лишь из двух категорий людей: тех, кто наделен волей и потому способен действовать, и тех, кто безволен, а значит, бездеятелен и обречен на поражение. Тяга к людям волевым, сильным, способным действовать, особенно хорошо видна в трилогии «История Тринадцати», где описано тайное сообщество тринадцати людей сильных, смелых и удачливых — «подлинных властелинов, более могущественных, чем сами ко-

роли». Мечта о подобном сообществе сильных людей была Бальзаку так дорога, что он изобразил его в «Человеческой комедии» в двух вариантах — «демоническом», эгоистическом (союз Тринадцати — это, по словам самого Бальзака, «сообщество, объединившееся во имя наслаждения»), и «ангельском» (в позднем романе «Изнанка современной истории» показано «сообщество, объединившееся во имя милосердия» — союз благодетелей, которые под покровом тайны и не требуя никакой награды помогают беднякам).

Волю Бальзак ценил и в самом себе. Пожалуй, высшим ее проявлением стало для него создание собственного мира, в котором он мог распоряжаться судьбами героев, их жизнью и смертью, карьерой и любовью по своему усмотрению, — мира «Человеческой комедии». Здесь он не уступал в могуществе королям и императорам (ставя себя на одну доску с Наполеоном, он украсил принадлежавший ему бюст императора надписью: «То, что он не смог сделать мечом, я совершу пером»). Сильная воля — это то самое соединение «*мочь*» и «*желать*», которым соблазняет старый антиквар главного героя «Шагреновой кожи» и которому этот герой посвятил целый трактат под названием «Теория воли».

Однако можно ли сказать, что сильная воля, сильная страсть в бальзаковском мире всегда благотворна?

Устами ростовщика Гобсека писатель сформулировал двойственное понимание счастья: «Это или сильные волнения, подтачивающие нашу жизнь, или размеренные занятия, которые превращают ее в некое подобие хорошо отрегулированного английского механизма». Человеческая жизнь протекает между двумя полюсами: на одном — покой, умеренность, экономия жизненных сил, на другом — движение, страсть (любовная или интеллектуальная), растрата жизненных сил. По-человечески Бальзаку была ближе вторая стратегия: любитесь он только людьми, наделенными энергией, волей; люди аморфные, пассивные, безвольные ему неинтересны. Однако писатель

видел все опасности, какими она чревата, сознавал ее разрушительную мощь. Человек воли — это бывший каторжник Вотрен или ростовщик Гобсек, которым движет во все не просто любовь к деньгам, но страстное желание проникать в людские тайны и приобретать над людьми полную власть (деньги — лишь способ удовлетворить эту страсть).

В поисках противоядия от индивидуального эгоизма Бальзак пытается, резко поменяв ракурс, посмотреть на ситуацию не с точки зрения личности, а с точки зрения общества. Если в юности он исповедовал взгляды вполне либеральные, то в тридцать лет резко изменил политические ориентиры и сделался сторонником консервативных ценностей, апологетом монархии. Главный недостаток современного французского общества он видел в «строптивности умов, недостатке иерархичности», в неумеренном индивидуализме, о котором язвительно писал: «Если в нашей стране и образуется некая ассоциация, всякий ее член, возвратясь к себе домой с собрания, где он и его собратья изливали самые прекрасные чувства, немедленно забывает об этом коллективном самоотвержении, об этом единении сил и исхитряется повернуть дело так, чтобы самолично доить общую корову, которая, не в силах удовлетворить такое множество умельцев, умирает от истощения». Называвший сам себя «лекарем социальных недугов», Бальзак искал средства укротить эту «строптивность», предотвратить анархию и хаос, какими чревато противостояние эгоистических воль. Рецепты он нашел у философов-традиционалистов, монархистов и католиков Луи де Бональда и Жозефа де Местра, от которых перенял убеждение, что спасти общество, составленное из людей своевольных и греховных, может лишь жесткая иерархическая структура, управляемая единовластным правителем, перед которым все люди должны склониться, поставив свои мысли и свою волю ему на службу. Чтобы

принудить их к этой покорности, хороши любые средства, и в первую очередь монархическое устройство и католическая религия. Монархия — средство ограничения индивидуализма на уровне всего общества; на уровне же частной жизни таким средством служит семья. Брак, в котором законодателем и правителем выступает супруг, призван так же, как и монархическое устройство, цементировать общество, придавать ему стабильность.

Бальзак проповедует эти идеи во многих своих романах, как бы пытаясь убедить самого себя в справедливости этих рассудительных теорий. При этом, однако, он не может запретить себе восхищаться теми личностями, которые — себе и другим на горе — нарушают государственный и семейный порядок. В романе «Воспоминания двух юных жен» судьба двух подруг-героинь складывается противоположным образом: рассудительная Рене выходит замуж без любви, но находит счастье в воспитании детей и в спокойных дружеских отношениях с мужем; пылкая Луиза губит страстями и ревностью сначала первого мужа, а потом саму себя. При этом сказать, кто из них ближе Бальзаку, невозможно; он явно любитесь ими обеими.

Иначе говоря, преклонение перед сильными индивидуальностями, людьми, наделенными могучей волей, и поиски способов смирить этих индивидуалистов, включить их в некую систему, подчинить определенному распорядку — вот два полюса бальзаковской мысли, которые в той или иной степени присутствуют во всех его романах. Страсть ведет к гибели — это Бальзак знал твердо и неоднократно изображал, но знал он и другое: жизнь умеренная и покойная — удел посредственностей, людей ограниченных и безвольных; она бесплодна и просто скучна. Это неразрешимое противоречие и определяет трагический колорит бальзаковской Вселенной.

Бальзак был философом во всех, на первый взгляд даже самых бытописательских, своих произведениях. Однако его философия такого рода, что не исключает ни занимательности, ни злободневности. Причем сюжеты его произведений не утратили актуальности и в наши дни. Биржевые аферы и фальшивые банкротства — только один, самый очевидный пример этой неувядающей актуальности. Не менее выразительны бальзаковские сюжеты, связанные с прессой. В романе «Утраченные иллюзии», который можно, не боясь впасть в преувеличение, назвать настоящим учебником по истории и теории журналистики, есть, например, такой эпизод: главный редактор собирает своих подчиненных и дает им задание. «Дети мои, — сказал Фино, — либеральной партии необходимо оживить свою полемику, ведь ей сейчас не за что бранить правительство, и вы понимаете, в каком затруднительном положении оказалась оппозиция. Кто из вас согласен написать брошюру о необходимости восстановить право первородства [то есть право отца не делить имение между всеми сыновьями, а передавать его по наследству старшему сыну], чтобы можно было поднять шум против тайных замыслов двора? За работу хорошо заплатят». Иными словами, следует выдумать ретроградную меру, приписать ее правительству, а затем начать клеймить это самое правительство за вымышленные прегрешения. Один из журналистов берется написать брошюру, потому что «это соответствует его убеждениям», но его услуги редактор отвергает; он предпочитает другого автора, который убеждений не имеет, но зато ведет себя как настоящий профессионал и интересуется только ценой. Ситуация вполне актуальная.

Другой, не менее яркий пример — деятельность коммивояжера Годиссара, героя одноименного рассказа. Краснобай, который рекламирует примерно в одних и тех же выражениях такие разные «товары», как каше-

мировые шали, общество страхования жизни и капиталов, республиканскую газету и журнал для детей, — это самый настоящий «пиар-агент», воплощающий в себе власть слова над людьми, иначе говоря, фигура в высшей степени современная.

* * *

«Человеческую комедию» можно читать по-разному: можно — как подробнейшее описание жизни Франции в первой половине XIX века; можно — как романы о всепоглощающей любовной страсти (таковы, например, все три романа, входящие в «Историю Тринадцати»), можно — как воплощение самобытной философской концепции. Все эти прочтения правомочны, все открывают одну из граней бальзаковского творчества. Однако для того, чтобы по-настоящему понять Бальзака, следует, очевидно, научиться читать его на всех этих уровнях.

Это — «качественный» аспект. Точно так же обстоит дело и с аспектом «количественным»: конечно, для того чтобы в полной мере оценить грандиозный замысел творца «Человеческой комедии», следует прочесть если не все составляющие ее произведения, то хотя бы большую их часть. Тогда станет понятно, как Бальзак связывает одно произведение с другим посредством «сквозных» героев, как он расширяет географию своей Вселенной и умножает число населяющих ее человеческих характеров. Но, с другой стороны, каждое из этих произведений в концентрированном виде содержит в себе едва ли не все особенности бальзаковского стиля; следует только уметь их разглядеть. Поэтому хотя в один, даже очень толстый, том вмещается только малая часть бальзаковской «Комедии», судить о его манере можно и по нескольким произведениям.

Всю жизнь Бальзак работал чудовищно много, писал, торопясь и опаздывая, сдавал рукопись издателю, не успев внимательно ее перечесть, а потом вносил в

верстку чудовищную по объему правку, от которой наборщики приходили в исступление (эти верстки сохранились: они испещрены пометами и по виду больше всего напоминают муравейник). Из-за торопливости (а торопился он потому, что литература была для него единственным способом заработать на жизнь, любовь к роскоши заставляла влезать в долги, а экстравагантные аферы, предпринимаемые ради того, чтобы стремительно разбогатеть, неизменно оканчивались неудачами) Бальзак чувствовал себя недостаточно совершенным стилистом, в чем порой сам смиренно признавался. Однако это нисколько не мешает его сочинениям до сих пор оставаться более живыми, чем другие, куда более гладкие и тщательно отделанные тексты. Страстными были не только герои Бальзака, но и он сам; за каждым героем «Человеческой комедии» стоит страсть его создателя.

В. Мильчина

Барону Баршу де Пенон

Из всех бывших питомцев Вандомского коллежа, кажется, одни лишь мы с тобой избрали литературное поприще — не даром же мы увлекались философией в том возрасте, когда нам полагалось увлекаться только страницами *De viris*. Мы встретились с тобою вновь, когда я писал эту повесть, а ты трудился над прекрасными своими сочинениями о немецкой философии. Итак, мы оба не изменили своему призванию. Надеюсь, тебе столь же приятно будет увидеть здесь свое имя, как мне приятно поставить его.

*Твой старый школьный товарищ
де Балзак*

Как-то раз зимою 1829—1830 года в салоне виконтессы де Гранлье до часу ночи засиделись два гостя, не принадлежавшие к ее родне. Один из них, красивый молодой человек, услышав бой каминных часов, поспешил откланяться. Когда во дворе застучали колеса его экипажа, виконтесса, видя, что остались только ее брат да друг семьи, заканчивавшие партию в пикет, подошла к дочери; девушка стояла у камина и как будто внимательно разглядывала сквозной узор на экране, но, несомненно, прислушивалась к шуму отъезжающего кабриолета, что подтвердило опасения матери.

— Камилла, если ты и дальше будешь держать себя с графом де Ресто так же, как нынче вечером, мне придется отказать ему от дома. Послушайся меня, детка, если веришь нежной моей любви к тебе, позволь мне руководить тобою в жизни. В семнадцать лет девушка не может судить ни о прошлом, ни о будущем, ни о некоторых требованиях общества. Я укажу тебе только на одно обстоятельство: у господина де Ресто есть мать, женщина, способная проглотить миллионное состояние, особа низкого происхождения — в девичестве ее фами-

лия была Горио, и в молодости она вызвала много толков о себе. Она очень дурно относилась к своему отцу и, право, не заслуживает такого хорошего сына, как господин де Ресто. Молодой граф ее обожает и поддерживает с сыновней преданностью, достойной всяческих похвал. А как он заботится о своей сестре, о брате! Словом, поведение его просто превосходно, но, — добавила виконтесса с лукавым видом, — пока жива его мать, ни в одном порядочном семействе родители не отважатся доверить этому милому юноше будущность и приданое своей дочери.

— Я уловил несколько слов из вашего разговора с мадемуазель де Гранлье, и мне очень хочется вмешаться в него! — воскликнул вышеупомянутый друг семьи. — Я выиграл, граф, — сказал он, обращаясь к партнеру. — Оставляю вас и спешу на помощь вашей племяннице.

— Вот уж поистине слух настоящего стряпчего! — воскликнула виконтесса. — Дорогой Дервиль, как вы могли расслышать, что я говорила Камилле? Я шепталась с нею совсем тихонько.

— Я все понял по вашим глазам, — ответил Дервиль, усаживаясь у камина в глубокое кресло.

Дядя Камиллы сел рядом с племянницей, а г-жа де Гранлье устроилась в низеньком покойном кресле между дочерью и Дервилем.

— Пора мне, виконтесса, рассказать вам одну историю, которая заставит вас изменить ваш взгляд на положение в свете графа Эрнеста де Ресто.

— Историю?! — воскликнула Камилла. — Скорей рассказывайте, господин Дервиль!

Стряпчий бросил на г-жу де Гранлье взгляд, по которому она поняла, что рассказ этот будет для нее интересен. Виконтесса де Гранлье по богатству и знатности рода была одной из самых влиятельных дам в Сен-Жерменском предместье, и, конечно, может показаться удивительным, что какой-то парижский стряпчий решался говорить с нею так непринужденно и держать себя в ее

салоне запросто, но объяснить это очень легко. Г-жа де Гранлье, возвратившись во Францию вместе с королевской семьей, поселилась в Париже и вначале жила только на вспомоществование, назначенное ей Людовиком XVIII из сумм гражданского листа, — положение для нее невыносимое. Стряпчий Дервиль случайно обнаружил формальные неправильности, допущенные в свое время Республикой при продаже особняка Гранлье, и заявил, что этот дом подлежит возвращению виконтессе. По ее поручению он повел процесс в суде и выиграл его. Осмелев от этого успеха, он затеял кляузную тяжбу с убежищем для престарелых и добился возвращения ей лесных угодий в Лиснэ. Затем он утвердил ее в правах собственности на несколько акций Орлеанского канала и довольно большие дома, которые император пожертвовал общественным учреждениям. Состояние г-жи де Гранлье, восстановленное благодаря ловкости молодого поверенного, стало давать ей около шестидесяти тысяч франков годового дохода, а тут подоспел закон о возмещении убытков эмигрантам, и она получила огромные деньги. Этот стряпчий, человек высокой честности, знающий, скромный и с хорошими манерами, стал другом семейства Гранлье. Своим поведением в отношении г-жи де Гранлье он достиг почета и клиентуры в лучших домах Сен-Жерменского предместья, но не воспользовался их благоволением, как это сделал бы какой-нибудь честолюбец. Он даже отклонил предложения виконтессы, уговаривавшей его продать свою контору и перейти в судебное ведомство, где он мог бы при ее покровительстве чрезвычайно быстро сделать карьеру. За исключением дома г-жи де Гранлье, где он иногда проводил вечера, он бывал в свете лишь для поддержания связей. Он почитал себя счастливым, что, ревностно защищая интересы г-жи де Гранлье, показал и свое дарование, иначе его конторе грозила бы опасность захиреть, — в нем не было пронырливости истого стряпчего. С тех пор как граф Эрнест де Ресто появился в до-

ме виконтессы, Дервиль, угадав симпатию Камиллы к этому юноше, стал завсегдатаем салона г-жи де Гранлье, словно щеголь с Шоссе-д'Антен, только что получивший доступ в аристократическое общество Сен-Жерменского предместья. За несколько дней до описываемого вечера он встретил на балу мадемуазель де Гранлье и сказал ей, указывая глазами на графа:

— Жаль, что у этого юноши нет двух-трех миллионов. Правда?

— Почему «жаль»? Я не считаю это несчастьем, — ответила она. — Господин де Ресто человек очень одаренный, образованный, на хорошем счету у министра, к которому он прикомандирован. Я нисколько не сомневаюсь, что из него выйдет выдающийся деятель. А когда «этот юноша» окажется у власти, богатство само придет к нему в руки.

— Да, но вот если б он уже сейчас был богат!

— Если б он был богат... — краснея, повторила Камилла. — Что ж, все танцующие здесь девицы оспаривали бы его друг у друга, — добавила она, указывая на участниц кадрили.

— И тогда, — заметил стряпчий, — мадемуазель де Гранлье не была бы единственным магнитом, притягивающим его взоры. Вы, кажется, покраснели, — почему бы это? Вы к нему равнодушны? Ну, скажите...

Камилла вспорхнула с кресла.

«Она влюблена в него», — подумал Дервиль.

С этого дня Камилла выказывала стряпчему особое внимание, поняв, что Дервиль одобряет ее склонность к Эрнесту де Ресто. А до тех пор, хотя ей и было известно, что ее семья многим обязана Дервилю, она питала к нему больше уважения, чем дружеской приязни, и в обращении ее с ним сквозило больше любезности, чем теплоты. В ее манерах и в тоне голоса было что-то, указывавшее на расстояние, установленное между ними светским этикетом. Признательность — это долг, который

дети не очень охотно принимают по наследству от родителей.

Дервиль помолчал, собираясь с мыслями, а затем начал так:

— Сегодняшний вечер напомнил мне об одной романтической истории, единственной в моей жизни... Ну вот, вы уж и смеетесь, вам забавно слышать, что у стряпчего могут быть какие-то романы. Но ведь и мне было когда-то двадцать пять лет, а в эти молодые годы я уже насмотрелся на многие удивительные дела. Мне придется сначала рассказать вам об одном действующем лице моей повести, которого вы, конечно, не могли знать, — речь идет о некоем ростовщике. Не знаю, можете ли вы представить себе с моих слов лицо этого человека, которое я, с дозволения Академии, готов назвать *лунным ликом*, ибо его желтоватая бледность напоминала цвет серебра, с которого слезла позолота. Волосы у моего ростовщика были совершенно прямые, всегда аккуратно причесанные и с сильной проседью — пепельно-серые. Черты лица, неподвижные, бесстрастные, как у Талейрана, казались отлитыми из бронзы. Глаза, маленькие и желтые, словно у хорька, и почти без ресниц, не выносили яркого света, поэтому он защищал их большим козырьком потрепанного картуза. Острый кончик длинного носа, изрытый рябинами, походил на буравчик, а губы были тонкие, как у алхимиков и древних стариков на картинах Рембрандта и Метсу. Говорил этот человек тихо, мягко, никогда не горячился. Возраст его был загадкой: я никогда не мог понять, состарился ли он до времени или же хорошо сохранился и останется моложавым на веки вечные. Все в его комнате было потерто и опрятно, начиная от зеленого сукна на письменном столе до коврика перед кроватью, — совсем как в холодной обители одинокой старой девы, которая весь день наводит чистоту и натирает мебель воском. Зимой в камине у него чуть тлели головни, прикрытые горкой золы, никогда не разгора-

ясь пламенем. От первой минуты пробуждения и до вечерних приступов кашля все его действия были размеренны, как движения маятника. Это был какой-то человек-автомат, которого заводили ежедневно. Если тронуть ползущую по бумаге мокрицу, она мгновенно остановится и замрет; так же вот и этот человек во время разговора вдруг умолкал, выжидая, пока не стихнет шум проезжающего под окнами экипажа, так как не желал напрягать голос. По примеру Фонтенеля он берег жизненную энергию, подавляя в себе все человеческие чувства. И жизнь его протекала так же бесшумно, как сыплется струйкой песок в старинных песочных часах. Иногда его жертвы возмущались, поднимали неистовый крик, потом вдруг наступала мертвая тишина, как в кухне, когда зарежут в ней утку. К вечеру человек-вексель становился обыкновенным человеком, а слиток металла в его груди — человеческим сердцем. Если он бывал доволен истекшим днем, то потирал себе руки, а из глубоких морщин, бороздивших его лицо, как будто поднимался дымок веселости, — право, невозможно изобразить иными словами его немую усмешку, игру лицевых мускулов, выразившую, вероятно, те же ощущения, что и беззвучный смех Кожаного Чулка. Всегда, даже в минуты самой большой радости, говорил он односложно и сохранял сдержанность. Вот какого соседа послал мне случай, когда я жил на улице Де-Грэ, будучи в те времена всего лишь младшим писцом в конторе стряпчего и студентом-правоведом последнего курса. В этом мрачном сыром доме нет двора, все окна выходят на улицу, а расположение комнат напоминает устройство монастырских келий: все они одинаковой величины, в каждой единственная ее дверь выходит в длинный полутемный коридор с маленькими оконцами. Да это здание и в самом деле когда-то было монастырской гостиницей. В таком угрюмом обиталище сразу угасала бойкая игривость какого-нибудь светского повесы, еще раньше чем он входил к моему соседу; дом и его жилец были под стать

друг другу — совсем как скала и прилепившаяся к ней устрица. Единственным человеком, с которым старик, как говорится, поддерживал отношения, был я. Он заглядывал ко мне попросить огонька, взять книгу или газету для прочтения, разрешал мне по вечерам заходить в его келью, и мы иной раз беседовали, если он бывал к этому расположен. Такие знаки доверия были плодом четырехлетнего соседства и моего примерного поведения, которое по причине безденежья во многом походило на образ жизни этого старика. Были ли у него родные, друзья? Беден он был или богат? Никто не мог бы ответить на эти вопросы. Я никогда не видел у него денег в руках. Состояние его, если оно у него было, вероятно, хранилось в подвалах банка. Он сам взыскивал по векселям и бегал для этого по всему Парижу на тонких, сухопарых, как у оленя, ногах. Кстати сказать, однажды он пострадал за свою чрезмерную осторожность. Случайно у него было при себе золото, и вдруг двойной наполеондор каким-то образом выпал у него из жилетного кармана. Жилец, который спускался вслед за стариком по лестнице, поднял монету и протянул ему.

— Это не моя! — воскликнул он, замахав рукой. — Золото! У меня? Да разве я стал бы так жить, будь я богат!

По утрам он сам себе варил кофе на железной печурке, стоявшей в закопченном углу камина; обед ему приносили из ресторации. Старуха привратница в установленный час приходила прибирать его комнату. А фамилия у него по воле случая, который Стерн назвал бы предопределением, была весьма странная — Гобсек¹. Позднее, когда он поручил мне вести его дела, я узнал, что ко времени моего с ним знакомства ему уже было почти семьдесят шесть лет. Он родился в тысяча семьсот сороковом году в предместье Антверпена; мать у него была еврейка; отец — голландец, полное его имя было Жан Эстер ван Гобсек. Вы, конечно, помните, как за-

¹ Гобсек (от фр. Gobsek) — Живоглот.

нимало весь Париж убийство женщины, прозванной *Прекрасная Голландка*. Как-то в разговоре с моим бывшим соседом я случайно упомянул об этом происшествии, и он сказал, не проявив при этом ни малейшего интереса или хотя бы удивления:

— Это моя внучатая племянница.

Только эти слова и вызвала у него смерть его единственной наследницы, внучки его сестры. На судебном разбирательстве я узнал, что Прекрасную Голландку звали Сарра ван Гобсек. Когда я попросил его объяснить то удивительное обстоятельство, что внучка его сестры носила его фамилию, он ответил, улыбаясь:

— В нашем роду женщины никогда не выходили замуж.

Этот странный человек ни разу не пожелал увидеть ни одной из представительниц четырех женских поколений, составлявших его родню. Он ненавидел своих наследников и даже мысли не допускал, что кто-либо завладеет его состоянием хотя бы после его смерти. Мать пристроила его юнгой на корабль, и в десятилетнем возрасте он отплыл в голландские владения Ост-Индии, где и скитался двадцать лет. Морщины его желтоватого лба хранили тайну страшных испытаний, внезапных ужасных событий, неожиданных удач, романтических превратностей, безмерных радостей, голодных дней, попорченной любви, богатства, разорения и вновь нажитого богатства, смертельных опасностей, когда жизнь, висевшую на волоске, спасали мгновенные и, быть может, жестокие действия, оправданные необходимостью. Он знал г-на де Лалли, адмирала Симеза, г-на де Кергаруэта и д'Эстена, байи де Сюффрена, г-на де Портандюэра, лорда Корнуэлса, лорда Гастингса, отца Типпо-Саиба и самого Типпо-Саиба. С ним вел дела тот савояр, что служил в Дели радже Махаджи Синдияху и был пособником могущества династии Махараттов. Были у него какие-то связи и с Виктором Юзом, и другими знаменитыми корсарами, так как он долго жил на острове